

4. Ницше Ф. Злая мудрость. Афоризмы и изречения // Соч. : в 2 т. Т. 1 : Литературные памятники. М. : Мысль, 1990. С. 720–768.

5. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 192–220.

6. Хайдеггер М. Что значит мыслить? // М. Хайдеггер. Разговор на проселочной дороге: сборник. М. : Высш. шк., 1991. С. 134–145.

7. Цветкова И.В. Герменевтика философского текста. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003.

8. Шевелев И.Н. Афоризмы и мысли: Микромир человека глазами афориста. М. : Прогресс, Либера, 1995.

Aphorism as a way of philosophizing

There is regarded the aphorism as an artistic form of philosophy language. There is proved that aphorisms are special philosophic formulas, which express the quintessence of philosopher's thought; help to visualize and "materialize" the metaphysical object of philosophizing by performing the role of the operator of philosophical thought.

Key words: *aphorism, language of philosophy, concept, artistic and theoretic thinking, sense.*

С.И. ПЛАТОНОВА

(Ижевск)

ОСОБЕННОСТИ СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОЦИАЛЬНЫХ ТЕОРИЯХ

Показаны изменения субъект-объектных отношений в классической и неклассической парадигмах социального знания. Проанализирована взаимосвязь общефилософской эпистемологии с основными парадигмами социального знания.

Ключевые слова: *эпистемология, классическая парадигма, неклассическая парадигма, субъект, объект, конструирование, онтологизация.*

Пространство современного общества характеризуется возрастанием сложности, неустойчивости, открытости. Происходящие процессы требуют серьезного теоретического анализа, а для этого нужны новые социальные концепции, теории, которые смогли бы отве-

тить на вызовы современности, прояснить общую картину перемен, динамику социальных процессов. В свою очередь, создание новых социальных концепций, критическое отношение к уже созданным требуют анализа оснований социальных теорий. Эти вопросы относятся уже к области методологии социального познания. Методология представляет собой не только наиболее сложный, но и фактически авангардный сектор социального знания. Она изучает инструментарий, с помощью которого социальные теоретики ведут свои исследования. Новые социальные теории возникают вследствие не только обобщения новых эмпирических данных, анализа современных процессов, но и критики эпистемологических оснований предыдущих теорий. Эпистемология частных наук находится под влиянием общефилософских эпистемологических концепций, поэтому, говоря об изменении эпистемологической стратегии в социальной теории, необходимо связывать его с трансформациями, которые происходят в общефилософской эпистемологии. На связь последней с эпистемологиями частных наук обращают внимание многие авторы [4; 5; 9]. Необходимо выяснить, каким образом различные эпистемологические доктрины оказывали и продолжают оказывать влияние на концептуализацию предпосылок социальных теорий и способы интерпретации социальной реальности, теорию и методологию социальных исследований.

Чтобы говорить о развитии социального знания, необходимо определить систему координат, в которой возможно дальнейшее рассмотрение нашей проблемы. В качестве такой системы мы предлагаем использовать принятое в философии науки выделение трех идеальных типов методологии – классической, неклассической, постнеклассической. Существуют интересные работы, в которых рассматриваются особенности классической, неклассической, постнеклассической эпистемологии. Однако этот анализ осуществляется в основном с позиций общефилософской эпистемологии. Преломление этих типов в конкретных науках (в частности, в социальном познании), по нашему мнению, изучено неполно. Интерес вызывают такие, казалось бы, классические понятия, как «объект познания», «субъект познания», а также особенности субъект-объектных отношений. Предмет нашего анализа – особенности понимания субъекта и объекта, их взаимодействия в социальных теори-

ях, основой которых является неклассическая методология.

Для решения данной задачи необходимо хотя бы кратко остановиться на понимании субъекта и объекта в классических социальных теориях (Э. Дюркгейм, Г. Спенсер, К. Маркс). В их контексте субъект – это отдельный взрослый разум, сознательно познающий внешний мир. Субъект мыслит, познает, действует рационально. Большинство социальных теоретиков отождествляют субъект с центром сознания. Объект познания – это то, на что направлена познавательная активность субъекта. Классическая социальная теория требует, чтобы мир социальных явлений рассматривался как реально существующий и объективный. Характеристики этого мира не зависят от предпочтений или намерений исследователя, однако они могут быть описаны с большей или меньшей точностью. Цель социальной науки – в точном и тщательно разработанном описании и объяснении социальных явлений и процессов. В классической парадигме социального знания субъект познания понимается как абсолютный наблюдатель, который предлагает единственно правильный образ социальной реальности и единственно верную перспективу его видения. В субъект-объектном взаимодействии основное внимание сосредоточено на объекте исследования. Из теоретических описаний элиминируется социальная позиция исследователя, причем такая элиминация понимается как одно из условий объективности полученных знаний. Задача социального ученого – описание общества, социальных фактов и явлений такими, какие они есть.

Становление неклассической парадигмы приходится на первую половину XX в. (к этой парадигме относятся теорию социального действия М. Вебера, феноменологическую социологию А. Шюца, П. Бергера и Т. Лукмана, этнометодологию Г. Гарфинкеля и ряд других теорий). Неклассическая парадигма социального знания исходит из предпосылки особого участия субъекта в познавательных процессах. «Для современной философии субъект – это, прежде всего, конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми» [8, с. 156]. Понимание субъекта познания как интеллектуального сгустка энергии, абстрагированной познавательной способности уходит в прошлое. Именно таким его видела и репрезентировала классическая эпистемология. Схематизм, формализм подобного понимания субъекта разрушается самой дина-

микой познавательной деятельности, необходимостью осваивать все более сложные объекты. «Нужно быть очень наивным, <...> чтобы не задаваться вопросом о том, что в интересе к определенному объекту исследования и в определенном способе его анализа <...> может зависеть от предрассудков или <...> от допущений, связанных с определенным типом социального опыта и диспозициями, приобретенными в ходе этого опыта», – подчеркивал П. Бурдьё [2, с. 10]. Иные требования начинают предъявлять к самому человеку: он не только носитель физической и нервной энергии, но и творческий, самореализующийся субъект. Как отмечает известный социальный теоретик В.Е. Кемеров, «формируется вопрос о субъектности, ктойности познания, предполагающий достаточно конкретные характеристики познавательных ситуаций» [6, с. 29]. Можно утверждать, что в субъект-объектном взаимодействии акцент переносится на субъекта познания. Вопрос можно поставить следующим образом: кто, как и для чего создает, воспроизводит и использует знание? Теория рассматривается не как точное отражение реальности или простое описание опытных данных, а как идеализация, рационализация, упрощение. Социальная теория в рамках неклассической парадигмы социального знания понимается как конструирующая наука. Она создает систему понятий, через которую социальный ученый смотрит на мир и, собственно, создает его. Интерпретация событий, предлагаемая теоретиком, трансформирует его собственное самознание и меняет сценарий по ходу действия.

Позиция абсолютного наблюдателя в классической парадигме социального знания заменяется позицией незаинтересованного наблюдателя, например, в феноменологической социологии. Это означает, что социальный теоретик временно покидает область повседневных значений, в рамках которых выступает центром собственного жизненного мира. Одновременно он сознательно исключает себя и из наблюдаемой ситуации. Она обретает для него не практический, а когнитивный интерес. Таким образом, собственные надежды, ценности, интересы «берутся в скобки». Если в рамках классической парадигмы ученый стремится к достижению абсолютной истины, то феноменологически мыслящий теоретик признает только относительную истину. Ученый понимает, что его научные открытия являются временными, относительными истинами, зависящими и от путей познания, и от способов интерпретации, которые впоследствии могут быть изменены. В связи с подобным смещени-

ем акцентов возникают новые вопросы: каково соотношение фактов и «фикций», т.е. продуктов творческого конструирования, предлагаемых социальной теорией, допустима ли онтологизация теоретических конструктов?

Крупнейший физик XX в. В. Гейзенберг показал, что результат описания той или иной реальности в большой степени зависит от позиции, которую исследователь занял относительно нее: ученый налагает на объект собственную систему смысловых, ценностных и нормативных координат. В результате получается, что в естествознании (не говоря уже о социальном знании) одному общему для ряда ученых объекту изучения будет сопутствовать множество предметов исследования. И на каждом из этих предметов будет лежать более или менее отчетливая печать индивидуальности исследователя. Поэтому если мы не можем иметь абсолютного знания, то, по крайней мере, должны четко обозначать границы наших познавательных возможностей и понимать, что научная объективность – это результат совмещения нескольких исследовательских перспектив, программ. Социальные теории есть изобретения ума и поэтому содержат своего рода фикции, продукты интеллектуальной игры. Теории строятся на широкой социальной и теоретической базе, под влиянием философии науки, социальной философии, в зависимости от предпочитаемых научно-исследовательских парадигм. В результате выбора приоритетов формируется определенная научно-исследовательская программа (парадигма). В ее пределах социолог, социальный теоретик формирует фактуальную основу исследования, ставит проблему, выбирает постулаты рассуждения и методы анализа материала.

Только с учетом особенностей научно-исследовательской парадигмы можно говорить о точности в социальной теории и о социальной истине, носящей в этом смысле контекстный характер. Если игнорировать данные методологические замечания, то социально-гуманитарные науки будут рождать «монстров социальных наук», таких, как «*homo economicus*», «*homo sociologicus*» [3], которые являются идеализациями, игнорирующими множество других переменных. Рассмотрим, например, основные предпосылки и понятия теории рационального выбора. Ее происхождение связывают с экономической наукой, однако сейчас она представляет собой быстро развивающееся направление социальной теории. Парадигма рационального выбора предполагает, что социальные деятели (*actors*) озабочены прежде всего собственным благополучием, их предпочтения являются своекорыстными. Акторы мотивированы расчетом сво-

ей выгоды, точнее – анализом соответствующих расходов и прибыли. Таким образом, одним из основных постулатов теории рационального выбора является допущение, что люди всегда действуют рационально. Иными словами, индивиды поступают оптимальным образом, т.е. максимизируют выгоды или сокращают до минимума затраты, когда осуществляют выбор из ряда альтернативных действий. Другие мотивы – альтруизм, конформизм по отношению к нормам или обычаям – не учитываются или считаются в конечном счете тоже ориентированными на выгоду, т.е. мотивы действий по определению фиксированы. Это значит, что «существующие социальные феномены – результат ориентированных на выгоду действий и их следует понимать как баланс, позволяющий актерам преследовать любые выгодные для себя цели» [1, с. 26–27]. «Место обитания» такого рационального человека – это прежде всего труды социальных ученых, экономистов.

Однако даже в рамках парадигмы рационального выбора признается, что рациональность является проблематичным понятием. Например, то, что представляется рациональным одному деятелю, другому таковым не покажется, и вопрос о том, какую систему координат следует принять, вызывает разногласия. Следовательно, отношение между рациональным человеком и человеком, участвующим в реальной социальной жизни, не изоморфное отношение между теорией и практикой, а отношение между предпосылками теории и практикой. Здесь самое сложное, на наш взгляд, заключается в том, что объект теоретического исследования возникает как следствие онтологических предпосылок и допущений теории, чтобы впоследствии гипостазироваться как результат ее теоретических открытий. «Склонность к гипостазированию, т.е. к приписыванию реального содержания выстроенным в уме концепциям, – худший враг ясного логического мышления», – считает экономист Л. фон Мизес (цит. по: [7, с. 79]). Эта эпистемологическая проблема перерастает в разряд онтологической.

Социальные теоретики должны определять границы и специфику использования созданных ими идеализированных объектов. При игнорировании этого методологического требования всегда будет существовать угроза онтологизации теоретических конструктов. Искусственное отождествление объекта и предмета исследования оборачивается в конечном счете тем, что методология начинает продуцировать социологические симулякры. Необходимы рефлексия средств и методов познания, а также, говоря словами П. Бурдьё, «объективация субъекта объек-

тивации... Процесс объективации направлен на экспликацию всего того, что содержится, оставаясь незамеченным, в интеграции исследователя, во-первых, в общее социальное пространство <...>, во-вторых, в поле специфического производства и, в-третьих, в схоластические универсумы...» [2, с. 10 – 11].

Итак, понятия «субъект познания», «объект познания», субъект-объектные отношения претерпевают существенные изменения при переходе от классической эпистемологии к неклассической. Наивный реализм, когда считалось, что субъект познания противопоставлен объекту познания и содержание знания должно совпасть с природой исследуемого объекта, ушел в прошлое. Отношение между субъектом и объектом познания опосредуется множеством факторов. Необходима рефлексия как познавательных средств и методов, так и самого субъекта познания. Основная задача состоит в том, чтобы наметить контуры новой эпистемологии социальных теорий, которая включала бы социальную обусловленность знания как необходимую предпосылку. Кроме того, если нет возможности прямого выхода на объект, необходимо познавать его в многообразии различных теорий, опирающихся на научно-исследовательские программы (парадигмы).

Литература

1. Балог А. Социология – мультипарадигмальная наука? // Социологические исследования. 2002. № 7. С. 22 – 32.
2. Бурдые П. Введение в социологию социальных наук: объективация субъекта объективации // Социология под вопросом. Социальные науки в постструктуралистской перспективе. М. : Праксис, 2005.
3. Верякина В.П. Блеск и нищета «homo economicus»: теоретическая модель и ее онтологический статус // Филос. науки. 2009. № 2. С. 9 – 28.
4. Дудина В.И. Социологический метод: от классической к постнеклассической точке зрения // Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. Т. II. № 3. С. 57 – 65.
5. Дудина В.И. Социологическое знание в контексте эпистемологической легитимации: от автономии фактов к дисциплинарной автономии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. VI. № 3. С. 40 – 54.
6. Кемеров В.Е. Социальная обусловленность познания: динамика проблемы // Вопр. философии. 2008. № 10. С. 20 – 33.
7. Колпаков В.А. Особенности эмпирического и теоретического уровней современных экономических теорий // Филос. науки. 2009. № 2. С. 74 – 91.

8. Лекторский В.А. Эпистемология классическая и неклассическая. М. : Эдиториал УРСС, 2009.

9. Плахов В.Д. Социология: эпистемы и эпистемология // Социологические исследования. 2007. № 11. С. 3–12.

Peculiarities of subject-object relations in social theories

There are shown the changes of subject-object relations in classic and non-classic paradigms of social knowledge. There is analyzed the correlation between general philosophical epistemology and the main paradigms of social knowledge.

Key words: *epistemology, classic paradigm, non-classic paradigm, subject, object, construction, ontology.*

Н.А. ТЕЛЬНОВА
(Волгоград)

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: ФУНКЦИИ И СПЕЦИФИКА МОДАЛЬНОСТИ*

Анализируются основные функции социальной идентичности, что способствует пониманию ее специфических особенностей. Социальная идентичность предстает как динамическое пространство, обладающее свойствами интегративности, процессуальности, проективности, смыслообразования, трансцендирования. Показано, что преодоление противоречивости человеческого бытия есть процесс обретения идентичности.

Ключевые слова: *идентичность, идентификация, социальная идентичность, адаптивная функция, интегративная функция, смыслообразующая функция, социокультурные основания.*

Внедрение информационных технологий в экономику, политику, духовную жизнь общества, сетевая организация социальной системы, усложнение коммуникативных потоков и дискурсивных практик приводят к размы-

* Выполнена в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009–2013 годы» (1.1. Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области юридических и политических наук. ГК 02.740.110605).